

На правах рукописи
УДК: 181.161.1

Аксенко Ольга Викторовна

**ЭКСПРЕССИВНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ В. АСТАФЬЕВА**

Специальность: 5.9.5 Русский язык. Языки народов России

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург
2024

Работа выполнена на кафедре русского языка федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена».

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена»

Сергеева Елена Владимировна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Новосибирский государственный педагогический университет»

Трипольская Татьяна Александровна

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и чувашской филологии и культурологии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева»

Димитриева Ольга Альбертовна

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Томский государственный педагогический университет»

Защита состоится 3 октября 2024 г. в _____ на заседании Совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук 33.2.018.11, созданного на базе Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, по адресу: 199053, г. Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., д. 52, ауд. 48.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (191186, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48, корп. 5) и на сайте университета по адресу: dissert.herzen.spb.ru/Preview/Karta/karta_000001036.html

Автореферат разослан «   » _____ 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Ефремов Валерий Анатольевич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Исследование посвящено изучению лексических средств, воплощающих экспрессивные смыслы в художественных текстах Виктора Астафьева.

Литературоведы активно изучают творчество писателя, однако лингвистических работ, посвященных анализу языка произведений В. Астафьева, существенно меньше. Авторы подобных исследований сосредоточены на решении проблемы идиостиля и, используя лингвистический инструментарий, стремятся охарактеризовать индивидуально-авторскую картину мира и коммуникативную специфику художественных текстов.

Диссертация выполнена в рамках лингвоэстетического анализа текста и посвящена анализу представленных в прозе В. Астафьева экспрессивных лексических средств, которые рассматриваются как способ вербализации картины мира и важный элемент идиостиля писателя.

Категория экспрессивности чрезвычайно важна для исследования различных дискурсивных практик, в том числе художественного текста. Обращение к творчеству В.П. Астафьева в данном аспекте не случайно: этот автор воплощал наиболее важные для него темы «человек и природа», «человек и война», «расчеловечивание и культура», «детство как важнейшая пора в жизни человека» прежде всего именно с помощью экспрессивных эстетических или приобретающих эстетическое значение лексических средств.

Актуальность темы исследования определяется значимостью для современной лингвистики теоретического осмысления языковой и текстовой категории экспрессивности, не случайно причисляемой учеными к языковым феноменам, в понимании сущности которых возникает тем больше неоднозначного и дискуссионного, чем тщательнее они исследуются; важностью этой категории для формирования художественной картины мира В. Астафьева, а также неизменным интересом исследователей к проблеме описания его идиостиля.

В диссертации рассматривается **актуальная** проблема осмысления принципов и способов описания индивидуального стиля автора, а также важный теоретический вопрос о сущности, значимости и особенностях воплощения в художественном тексте языковой категории экспрессивности.

Степень разработанности проблемы. Проблема определения сущности экспрессивности находится в центре внимания многих исследователей. Обобщая различные трактовки *экспрессивности*, можно утверждать, что, во-первых, большинство лингвистов придерживаются семантического подхода, определяя это понятие как компонент коннотации (см., например, фундаментальные работы Н. А. Лукьяновой, В. Н. Цоллер, В. Н. Телия), во-вторых, как в семантических, так и в стилистических исследованиях основной оказывается тенденция разграничивать экспрессивность, эмоциональность и оценочность как компоненты коннотативного значения слова. Несмотря на то что до сих пор лингвистами не выработана общепринятая терминология в области исследования категории экспрессивности, а вопрос о семантическом статусе коннотации является дискуссионным, концепция, предложенная В. Н. Телия, – одна из наиболее авторитетных.

По справедливому замечанию Г. Ф. Коваленко, *экспрессивность* не совсем «удобный» термин. Кроме того, термин *экспрессема* чаще всего употребляется в значении «лексическая единица, обладающая экспрессивностью» (например, С. В. Марченко). Однако использовать данный термин только в таком понимании – значит немотивированно сужать его значение и лишать названия те текстовые единицы, которые не обладают этим потенциалом, а приобретают его, намеренно превращаются в экспрессивные автором художественного текста.

Для данного исследования значимо, что *экспрессема* – основа эстетической информации, наиболее значимой в художественном произведении (Е. В. Сергеева), а эстетическая эмоция в художественном тексте – высший уровень художественной экспрессивности (Е. Г. Ковалевская, И. С. Куликова). Индивидуальные приращения смысла характерны для идиостиля любого

автора: чрезвычайно значимо, что *экспрессивность* в художественном тексте определяется индивидуальной авторской картиной мира и воплощается в уникальной и повторяющейся системе экспрессивных лексических средств (Е. В. Сергеева, И. А. Ваулина, Т. А. Демидова, Л. М. Гриценко, А. Э. Кащенко).

Следует констатировать, что при наличии большого количества работ, посвященных описанию индивидуального стиля (см., напр., работы Н.С. Болотновой, Ю. Г. Гладких, Л. М. Гриценко, Т. А. Демидовой, Т. А. Дьяковой, Д. В. Исаевой, Ю. С. Карагодской, О.Л. Кабаниной, А. Э. Кащенко, Н. А. Меженской, И. В. Ревенко, И. Н. Фурсовой, С. В. Чайковской и др.), в стилистике художественной речи до сих пор нет общепринятого наименования языкового средства, которое изначально имеет или приобретает в контексте за счет контекстуальной трансформации смысла эстетическое значение. По мнению Е. В. Сергеевой, для художественного текста как принципиально ненейтрального феномена было бы логично искать термины из области экспрессивного; подобную единицу – составляющую художественного текста, обеспечивающую восприятие выразительно-изобразительных качеств эстетического языкового материала и употребляющуюся для эмоционального и/или эстетического воздействия на читателя, – предлагается называть *экспрессемой*.

Материал исследования – более трехсот текстовых фрагментов из произведений В. Астафьева: повествования в рассказах «Царь-рыба», повести «Последний поклон», романов «Печальный детектив» и «Прокляты и убиты», рассказа «Людочка». Всего в перечисленных произведениях было выделено около 1500 словоупотреблений.

Объект исследования – особенности лексического воплощения экспрессивной семантики в художественной прозе В. Астафьева.

Предмет исследования – экспрессивные лексические средства (изобразительно-выразительные средства лексики, фразеологизмы, стилистически маркированные лексемы и лексические единицы с

экспрессивной семантикой, не являющиеся стилистически маркированными в системе языка), которые воплощают эстетическую составляющую категории экспрессивности.

Цель работы – охарактеризовать своеобразие индивидуально-авторской картины мира и идиостиля В. Астафьева на основе анализа экспрессивных лексических средств.

Цель исследования воплощается в конкретных задачах:

1. Определить теоретические основы, на которых базируется в языке и в художественном тексте понимание термина *экспрессивность*.

2. Выделить лексические средства, которые воплощают эстетическую составляющую категории экспрессивности в художественных текстах позднего В. Астафьева.

3. Исследовать особенности употребления стилистически маркированных лексем: уменьшительно-ласкательных форм слов, книжной, разговорной, просторечной, жаргонной, диалектной лексики, окказионализмов, в том числе семантических, в художественном дискурсе писателя.

4. Проанализировать специфику употребления изобразительно-выразительных средств (эпитетов, метафор, олицетворений и сравнений) в произведениях В. Астафьева.

5. Выделить в текстах писателя лексические единицы с экспрессивной семантикой, не являющиеся экспрессемами в системе языка, и описать их употребление в контексте и текстовый потенциал.

6. Продемонстрировать специфику употребления этих единиц как экспрессем в указанных произведениях.

7. Охарактеризовать на основе описания лексических средств выражения экспрессивности своеобразие художественной индивидуально-авторской картины мира В. Астафьева, которая в перечисленных произведениях определяется целостным образным взглядом писателя на мир, и прежде всего на единство природы и человека.

Рабочая гипотеза, ставшая основой диссертационного исследования, состоит в том, что индивидуальный стиль В. Астафьева – это прежде всего уникальная система регулярно повторяющихся в различных текстах экспрессивных лексических средств.

Научная новизна работы обусловлена тем, что в аспекте выделения эстетического текстового потенциала экспрессивные лексические средства в произведениях В. Астафьева ранее не исследовались. Впервые в названном аспекте рассматривается также проблема соотнесения категории экспрессивности и образности текста.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Художественная картина мира В. Астафьева реализуется за счет семантического потенциала лексических средств – *экспрессем*.

2. С помощью экспрессивных лексических средств в рассмотренных произведениях В. Астафьева формируются специфические для его идиостиля текстовые оппозиции (антонимическая пара смысловых век или ключевых слов). К ним относятся следующие оппозиции: зверь *vs* человек, природа *vs* культура, память *vs* беспамятство, взрослый *vs* ребенок.

3. Идиостиль и картина мира В. Астафьева определяются стилистическим потенциалом языка. Наиболее характерными можно считать разговорные, просторечные, жаргонные, диалектные слова. Особая роль в создании экспрессивности принадлежит авторской метафоре, сравнению человека с животным или растением, антропоморфизации природных феноменов.

4. В. Астафьев создает яркие художественные образы на основе неэкспрессивных в системе языка лексем *культура, современный, земля, поле, хлеб, яма, река, сердце, ржавый, память, помнить, человек, зверь* и их дериватов. Немаркированные в системе языка стилистически, эти лексемы обладают высоким экспрессивным потенциалом, реализующимся за счет индивидуально-авторской контекстуальной трансформации значения. Образы, возникающие на их основе, превращаются в экспрессемы и фактически

оказиональные средства воплощения художественной картины мира В. Астафьева.

Основной метод исследования – системно-описательный, включающий общенаучные приемы наблюдения, систематизации. Используется также *индуктивный* метод, позволивший на основе анализа конкретных языковых фактов обобщить закономерности организации семантического пространства художественных текстов писателя и охарактеризовать воплощенную в прозе индивидуально-авторскую картину мира. В диссертации применены также специальные методы лингвистического исследования художественного текста: *метод контекстуального анализа, метод семного анализа, метод анализа эмотивности текста.*

Теоретическая значимость исследования состоит в развитии лингвистических представлений о лексической реализации категории экспрессивности в художественном тексте, в уточнении представлений об экспрессивности в художественном тексте.

Анализ произведений В. Астафьева позволил выявить способы вербализации эстетически преобразованной языковой картины мира автора в художественном тексте в целом, определить идиостиль писателя как прежде всего индивидуальную систему регулярно повторяющихся в разных текстах экспрессивных средств и соотнести общеязыковую категорию экспрессивности с образностью конкретного художественного текста.

Практическая значимость исследования определяется тем, что его результаты могут быть востребованы при подготовке курсов «Лексикология», «Семантика», «Стилистика», «Современные проблемы анализа художественного текста», «Филологический анализ текста», а также в дальнейших исследованиях специфики художественного текста и особенностей идиостиля В. Астафьева. Полученные результаты могут быть применены не только в практике преподавания в высших учебных заведениях, но и в средней образовательной школе на уроках русского языка и литературы. Практическая значимость исследования определяется также возможностями применения

выработанной методики анализа семантического потенциала слов с экспрессивной семантикой для анализа текстов и идиостиля других авторов.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования опубликованы в **8** работах, в том числе в **4** из списка ВАК. По материалам исследования были сделаны доклады на Всероссийской научной конференции «Слово. Словарь. Словесность: Коммуникация. Текст. Синтаксис (к 90-летию со дня рождения С.Г. Ильенко)» (Санкт-Петербург, 2013), «Слово. Словарь. Словесность: язык революции – язык советской эпохи» (Санкт-Петербург, 2018), «Слово. Словарь. Словесность: к 200-летию со дня рождения Н. А. Некрасова» (Санкт-Петербург, 2022), на XII Международной конференции «Русская речевая культура и текст» (Томск, 2022), на Всероссийской научной конференции «Слово. Словарь. Словесность: к 100-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора, члена-корреспондента РАО Сакмары Георгиевны Ильенко» (Санкт-Петербург, 2023).

Объем и структура диссертации. Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы.

В первой главе рассматриваются теоретические предпосылки и методологические основания исследования. Во второй и третьей главах представлен лингвистический анализ экспрессивных лексических средств, выделенных в текстах В. Астафьева, направленный на описание своеобразия индивидуально-авторской картины мира, которая определяется целостным образным взглядом писателя на мир, и прежде всего на единство природы и человека. В заключении формулируются основные выводы. В списке использованной литературы представлены научные источники (150 наименований), словари и справочники (16 наименований), источники языкового материала (7 наименований).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновываются актуальность и научная новизна исследования; приводится общая характеристика проблематики диссертации; формулируются цель и задачи работы, определяются ее объект и предмет; описываются материал, методы исследования, теоретическая и практическая значимость диссертации, приводятся положения, выносимые на защиту.

Глава 1 **«Семантика экспрессивности как объект исследования»** посвящена изучению исходных теоретических понятий, на которых базируется анализ понятия *экспрессивность*. В главе характеризуются значимые для исследования термины и понятия.

В параграфе 1 **«Экспрессивность как семантическая категория»** описываются теоретические подходы к понятию *экспрессивность*.

На основе рассмотрения классических концепций экспрессивности предлагается определить этот термин как языковую категорию, комплексно выражающую непредметное и ненейтральное содержание языковой единицы и функционально ориентированную на представление интенции адресанта – создателя текста. Это делает экспрессивность основой воплощения языковой картины мира автора в художественных текстах.

В параграфе 2 **«Семантика экспрессивных лексических единиц: коннотативный аспект»** рассматривается соотношение коннотации и экспрессивности и интерпретируется одно из наиболее важных для исследования понятий – *экспрессема*.

Под *экспрессемой* вслед за Е. В. Сергеевой понимается любой элемент экспрессивной составляющей художественного текста, воплощающий в языковых единицах разного уровня (словесный образ, прием, фигура, контекстуальная трансформация значения) эстетическую интенцию адресанта и позволяющий соотнести категорию экспрессивности и образность текста. Для исследования значимы экспрессемы лексического уровня языка.

Анализ семантического потенциала слов с экспрессивной семантикой (экспрессем) следует считать эффективным интерпретационным инструментом, который способствует выделению наиболее значимой эстетической информации в художественном тексте.

В параграфе 3 **«Художественный текст как лингвоэстетический феномен»** дается теоретическое представление о художественном тексте как лингвоэстетическом феномене, для понимания которого принципиально важен отбор автором языковых средств, становящихся образными. Утверждается, что эстетическое воплощение эмоциональности в художественном тексте может быть определено как высший уровень экспрессивности.

Параграф 4 **«Экспрессивность как эстетический феномен»** посвящен определению экспрессивности художественного текста как эстетической сущности. Значимость индивидуальных способов эстетического переосмысления языковых единиц, которые характерны для идиостиля любого автора и которые воплощаются в уникальной системе экспрессивных лексических средств, дает возможность утверждать, что идиостиль В. Астафьева базируется на индивидуальной системе повторяющихся экспрессивных лексических средств.

Параграф 5 **«Категория экспрессивности и образность текста»** представляет собой обобщение точек зрения на то, как соотносятся в художественном тексте экспрессивность и образность. Неузвальная образность характеризуется как наиболее важная категория художественного текста. Образность – значимое воплощение экспрессивности в тексте, которое основывается прежде всего на экспрессивном потенциале употребленных автором слов. Хотя вопрос о том, что такое художественная речь, в современной лингвистике нельзя считать окончательно решенным, можно утверждать, что прежде всего именно *экспрессивность* определяет эстетический эффект художественного текста.

В главе 2 **«Традиционные экспрессивные лексические средства в художественной прозе В. Астафьева»** исследуются закономерности и

особенности употребления стилистически маркированных лексем и экспрессивных изобразительно-выразительных средств в зрелых художественных произведениях В. Астафьева.

Языковая и текстовая экспрессивная семантика слов, которые воплощают эстетическую составляющую категории экспрессивности, во многом формируют текстовые оппозиции, обладающие особыми эстетическими качествами. В текстах В. Астафьева эстетически значимы образы современной культуры, современного человека и связанные с ними образы природы, зверя, памяти.

Параграф 1 «Стилистически маркированная лексика в текстах писателя» посвящен рассмотрению традиционных языковых лексических средств выразительности в контекстах разного объема. Анализ текстовых фрагментов демонстрирует, что художественно мотивированная экспрессивность в произведениях В. Астафьева связывается с семантическим потенциалом слова.

Стилистически маркированная лексика в художественных текстах В. Астафьева является значимым экспрессивным средством, поскольку она демонстрирует ненейтральное отношение автора к предмету речи, важное для понимания его произведений.

В произведениях В. Астафьева речь рассказчика насыщена эмоционально-оценочными и функционально-стилистически окрашенными словами. В этом отношении показательными можно считать употребление уменьшительно-ласкательных форм слов (...*сердчишки ребятшек обмирают от приближения к той тайне, которая должна открыться сейчас вот, на глазах*) и окказионализмов (*козявочное*), а также сниженной лексики (наиболее употребительны разговорные, просторечные, жаргонные, диалектные слова). Так, просторечные глаголы *блевать*, *свинячить* и существительное *мурло* характеризуют отрицательных персонажей, которые рассказчиком называются только с помощью сниженной лексики (*шваль*, *пьянчуга*, *шпана*, *погань*,

дармоеды, злодеи, пустобрехи, рвачи): Свинячили под лестницей, блевали, дрались («Печальный детектив»); мурло первобытного дикаря («Царь-рыба»).

Параграф 2 **«Изобразительно-выразительные средства экспрессивной лексики в произведениях В. Астафьева»** представляет анализ реализации эстетического потенциала традиционных, общеупотребительных экспрессивных лексических средств в художественных текстах писателя. Эпитеты, метафоры, олицетворения и сравнения в прозе В. Астафьева – важные экспрессивные средства субъективации авторского повествования.

Языковые экспрессивные лексические единицы переосмысляются за счет следующих авторских приемов:

индивидуально-авторская метафора (*забылось, смолось в памяти; на песке замесят тесто из человеческого мяса; проорать деревню; оржаветь живому сердцу; не хватает сердца; жжет сердце; взбеситься от культуры*);

сравнение человека с животным или растением (*пока не подойдет пора близким тебе людям падать, как падают в старом бору перестоялые сосны, с тяжелым хрустом и долгим выдохом; полушубки, воротники, загнутые рукава и шапки с белой оторочкой смотрелись ранними сибирскими подснежниками*);

антропоморфизация природных феноменов как значимый случай метафорического переноса (*добрые деревья; усопшее хлебное поле, отплакавшее слезами зерен; Оборотень, вынашивающий другого оборотня, греховное, человеческое есть в сладостных муках царь-рыбы, кажется, вспоминает она что-то тайное перед кончиной; Мертвые хлеба ... израненные, убитые, все равно... горбато вздымались из рыхлых сугробов, трясли пустыми колосьями, мотали измочаленными чубами*).

Проблему «взаимоотношений» человека и природы писатель интерпретирует как одну из важнейших в своем творчестве: «И рука тянется к перу от чувства красоты и любви ко всему этому...». Природа изображается В. Астафьевым как важный объект эмоционального переживания, без которого невозможно существование человека. Важные для В. Астафьева ценности сопоставляются с явлениями природы; так в романе «Печальный детектив»,

раскрывается тема творчества: *И надо будет прежде всего себе доказать и выявить на белой бумаге, а на ней всё видно, как в прозрачной ключевой воде.*

Природные объекты олицетворяются: например, в романе «Прокляты и убиты» дерево ассоциируется с живым существом (*может разорваться древесная плоть до самой сердцевины*).

Текстовое значение слова писателя наполняется эмоциональными смыслами: например, прилагательное *ржавый* и его дериват *ржавчина* приобретают значение ‘красно-бурый, цвета крови’, ‘кровь’. В контексте подобные экспрессивные значения взаимно усиливают образную составляющую: *И вот над этим паршивым, когтями дьявола исцарапанным берегом, над землей, где и земли-то, как таковой, нет, рыжая ржавчина, перемешанная с серым песком, обнажающим под собой глину, цветом напоминающую дохлую, кое-как на морозе ободранную сталинградскую конину, именно над этим клочком земли расколошматили, расстреляли, поистребили неустрашимую дивизию («Прокляты и убиты»).*

В 3 главе **«Текстовые трансформации общеупотребительных слов в художественных текстах В. Астафьева: индивидуально-авторская семантика»** выделяются индивидуально-авторские экспрессымы писателя. Выбор лексем определен их экспрессивной и образной значимостью для художественных текстов В. Астафьева.

В. Астафьев создает индивидуальные образы на основе неэкспрессивных в литературном языке лексем *культура, современный, земля, поле, хлеб, яма, река, сердце, память, помнить, человек, зверь* и их дериватов. Неэкспрессивные в системе русского языка, эти лексеммы в рассмотренных произведениях обладают высоким экспрессивным потенциалом (*современный человек; современное дитя; выучился культуре человек; река, до дна пробитая золотыми каплями звезд; река отодвинулась от земли; хлебу нужны незапятнанные руки, любовно ухоженная земля; проклятая яма; сердце обмерло от радости; нагрузить память воспоминаниями; злая память* и др.) за счет индивидуально-авторской контекстуальной трансформации значения.

Образы, возникающие на их основе, будучи фактически окказиональными средствами воплощения индивидуальной художественной картины мира В. Астафьева, превращаются в экспрессымы.

В параграфе 1 «**Индивидуально-авторские значения лексем *культура, современный* в тексте В. Астафьева**» рассматривается прежде всего представленное в произведениях писателя авторское значение перечисленных лексем, среди которых особенно выделяется слово *культура*.

Определение индивидуально-авторских значений лексем *культура, современный* позволяет утверждать, что *культура, цивилизация, варварство* – контекстуальные синонимы в художественных текстах В. Астафьева: значение лексемы *культура* часто оказывается синонимично и лексеме *цивилизация* в значении ‘современная мировая культура’, и лексеме *варварство* в значении ‘невежественное отношение к культурным ценностям; невежество, бескультурье’.

В слове *культура* как экспрессивном знаке ярко отражается картина мира В. Астафьева, прежде всего на основе индивидуально-авторской трансформации значения общелитературной лексической единицы – вплоть до противоположного языковому. Контекст позволяет выделить следующие семы в слове *культура*: ‘*примитивный*’, ‘*гибельный*’, ‘*современный*’. Лексическое значение слова *культура* в произведениях писателя можно однозначно сформулировать как ‘совокупность достижений человеческого общества, ведущая к гибели этого общества’: *Как ни рыпайся, не устоишь против культуры, хуже чумы навалилась, окаянная!* («Царь-рыба»).

Особенно показательное употребление слова *культура* в составе словосочетания с прилагательным *современный*: приращение смысла чаще всего начинается с актуализации семы ‘*расчеловечивание*’. Прилагательное *современный* в художественных текстах В. Астафьева в большинстве случаев характеризует лицо или предмет как непригодный, лишенный положительных свойств, вызывающий неодобрение. В произведениях писателя *современный* (о человеке) – ‘*проявляющий равнодушие, эгоизм, совершающий*

безнравственные поступки, высмеивающий моральные принципы': *Ему бы ... навстречу человеку двинуться, но он же ... современный человек («Печальный детектив»)*.

В параграфе 2 **«Экспрессивизация образов природы в идиостиле В. Астафьева»** представлены текстовые преобразования значений лексемы *земля*, контекстуальные значения лексемы *яма* и реализация семантического потенциала лексемы *река*. Чрезвычайно важен образ погубленной «окультуренным» человеком природы в поздних произведениях В. Астафьева.

Лексема *земля* – одна из важных экспрессем идиостиля В. Астафьева. Ее частотность, а также употребительность слов с семантической структурой, включающей сему 'земля', создают предпосылки того, что в позднем творчестве В. Астафьева именно эти единицы обогащаются в тексте дополнительными смысловыми оттенками, – прежде всего '*разрушенная*' (человеком) и '*запятнанная кровью*'.

В повествовании в рассказах «Царь-рыба» *земля* и явления северной природы олицетворяются, в семантической структуре слов актуализируются семы '*раздолье*', '*простор*', создается яркий образ плодородного пространства: *и становится тундра похожа на неглубоко вспаханную бурую пашню; земля справляет праздник, обмирая от красоты*.

В романе «Печальный детектив» часто описываются земляные работы и обряд похорон. Образ трудового, природного пространства, с которым связан образ человека, сближается с образом памяти: *земля и должна быть такая: бездушная, немая, темная и тяжелая, сохраняя людям способность жить дальше и помнить тех, кто жил до них*.

В романе «Прокляты и убиты» слово *земля* приобретает сложный эстетический смысл: лексемы *хлеб* и *жизнь* можно интерпретировать как контекстуальные синонимы в семантическом пространстве, которое конструирует писатель в романе: *Как мать, убившая свое дитя, не смеет называть себя матерью, так человек, убивший хлеб, значит, и жизнь на земле, не смеет называть себя человеком*.

Описание контекстуальной семантики не обладающего экспрессивностью в системе языка слова *яма* также позволяет дифференцировать различные текстовые значения и оттенки значения, большое количество которых (в диссертации было выделено 16) свидетельствует о значимости этой лексической единицы во всех проанализированных текстах.

Так, метафора *яма // могила, гибельное место* – одно из значимых лексических экспрессивных средств в тексте романа «Прокляты и убиты», хотя в повести «Последний поклон», в повествовании в рассказах «Царь-рыба» и в романе «Печальный детектив» эта метафора единична. Для В. Астафьева значимо, кем выкопана *яма* – человеком или зверем; образована *яма* природным способом или вырыта с какой-то целью, поскольку это дополнительно акцентирует внимание на наличии в текстах оппозиции природа vs культура: для саженца неторопливо копается глубокая яма, а для могилы – неглубокая и торопливо. Как символ описывается яма-могила без покойника, а поле часто сравнивается с покойником: *погибшая полоса ... словно непохороненный, брошенный покойник*. Семантика слова *страда* – ‘напряженная летняя работа на полях’ позволяет реализоваться метафоре *сгребание трупов, мертвецов // косьба, жатва, уборка хлеба: На правом берегу реки... вели скорбную страду* («Прокляты и убиты»).

Анализ текстового материала демонстрирует, что контекстуальные значения лексемы *яма* акцентируют внимание на наличии в текстах оппозиций природа vs культура, жизнь vs смерть, а в повести «Последний поклон» еще и оппозиции взрослый vs ребенок, в остальных произведениях отсутствующей. Слово *яма* становится экспрессемой в семантическом пространстве текстов В. Астафьев и участвует в формировании его художественной картины мира.

Для идиостиля В. Астафьева значим также образ реки. Наиболее ярко этот образ представлен в повествовании «Царь-рыба». Эспрессивную семантику лексемы *река* усиливают актуализаторы ‘*до дна пробитая золотыми каплями звезд*’, ‘*неостановимое движение*’.

Проведенный анализ семантического потенциала слов с интегральной семой 'вода' позволяет сделать вывод о том, образ воды часто связан с образами памяти и реки: чаще всего герои вспоминают значимые события своей жизни на берегу реки. Кроме того, наглядно-чувственные образы *костра, темноты, миротворной тишины, звезд* связаны с образом реки. Световая метафора *печаль светит тихо* становится актуализатором эмоциональных картин-образов, связанных с пространством у реки, а описания личных воспоминаний обогащаются символическими коннотациями, как универсальными, так и индивидуально-авторскими: *только строим, только рекой, половодьем возможно прорваться к краю света* («Прокляты и убиты»).

В пространстве, переставшем быть природным, вода превращается в грязь, река – в лужу, в канаву («Печальный детектив», «Прокляты и убиты», «Людочка») с использованием соответствующих номинаций. Образ погубленной «окультуренным» человеком природы в поздних произведениях В. Астафьева чрезвычайно важен: метафоры, которые использует писатель, намеренно антиэстетичны: *угарной, удушающей вонью желтой перхоти ядовитых цветков ... пахло в этом месте сейчас; обгорали кустарники, огнем выедало трупелые дупла ребристых, старых тополей, вербы да дикие груши и яблоньки со свернувшимся листом и лопнувшей кожей стыдливо обнажались* <...> *Река настороженно притихла, как бы отодвинулась от земли, на которой царствовал ад* («Прокляты и убиты»).

В параграфе 3 «**Экспрессивный образ человека в текстах В. Астафьева**» рассмотрены дополнительные смысловые оттенки индивидуально-авторского текстового значения лексем *сердце, память, зверь*; охарактеризованы образ человека и образ памяти в произведениях В. Астафьева, описаны способы экспрессивной номинации человека.

Лексема *сердце* в произведениях писателя относится к наиболее значимым. Слово *сердце* употребляется как в прямом, так и в переносном значении. Одно из важных значений лексемы *сердце* в текстах В. Астафьева – 'средоточие душевной боли'. Смысл формируется на метафорическом уровне:

часто сердце сравнивается с сердцевиной дерева. Авторский фразеологизм *не хватает сердца* употребляется в прямом значении ‘болит сердце’, переносном ‘сердце не на месте’ и наиболее экспрессивном окказиональном, связанным с ощущением, что сердце не может вместить в себя весь груз тяжелых воспоминаний.

Образ памяти в текстах В. Астафьева связан с мотивами взросления и покаяния. Мотив взросления реализуется прежде всего при помощи глагола *понимать*. Немаловажно для идиостиля В. Астафьева выражение *без памяти*, общеязыковое значение которого в рассмотренных текстах ассоциативно связывается со злым, первобытным, диким началом в человеке. Экспрессивность контекстов усиливается благодаря дериватам: *опамятует, до беспамятства*. Память для писателя неразрывно связана с человечностью, а представление о человеке соотносится с наличием памяти.

Рассмотрение способов номинации человека демонстрирует, что выбор слова в художественных текстах В. Астафьева становится основой оценочного, эмоционального взгляда на мир. Наряду с узуальным значением в семантической структуре слова *человек* реализуется либо дополнительный оттенок значения ‘хороший человек’, либо оттенок ‘современный человек’, т.е. «окультуренный». Для писателя формирование личности невозможно вне природы, которая понимается как важный объект эмоционального переживания. Именно поэтому в семантике слова *человек* семы ‘интеллект’, ‘разум’ оказываются не ядерными, как в системе языка, а периферийными, а в ядерную зону перемещаются семы ‘гуманность’, ‘связь с природой’ и, что особенно показательно и характерно только для идиостиля В. Астафьева, – ‘неокультуренность’.

В повествовании в рассказах «Царь-рыба», романах «Печальный детектив», «Прокляты и убиты» и в рассказе «Людочка» автор часто называет персонажа не словом *человек* или соответствующими нейтральными синонимами или гипонимами, а экспрессивно окрашенными лексемами и словосочетаниями *человечишка; зверь; зверина; зверюга; арестант; бродяга;*

барачного производства малый; исчадья божьи; обезумевшие равнодушно-злые люди в ношеной военной форме; зла не утратившие доходяги; убийцы, обуянные неистовой злобой; выродок из выродков; бездельник; убийца; мясник; братоистребитель; богохульник, забывший о Боге, о земле, о труде.

Значимо, что сема 'зверь' – общая для лиц и животных в произведениях В. Астафьева: *уползает, бежит всякая живая тварь, спасаясь от гнуса; не зря сказывается: женщина – тварь Божья, за нее и суд, и кара особые* («Царь-рыба»). Вульгарность бранного слова *тварь* в значении 'подлый, злобный человек' нейтрализуется благодаря тому, что реализуется устаревшее, высокое значение 'живое существо вообще'.

Особенностью художественного воплощения образа зверя в позднем творчестве В. Астафьева является сопоставление с теряющим человеческий облик «окультуренным» человеком. Семантика слова *зверь* дополняется, значение перестает быть только переносным: в любом человеке есть *зверь* – тот, кто стал антиприродным существом и творит зло: *Нищие и Достоевский почти достали до гнилой утробы человечихи, до того места, где преет, зреет, набирается вони и отрацивает клыки спрятавшийся под покровом тонкой человеческой кожи и модных одежд самый жуткий, сам себя пожирающий зверь. А на Руси Великой зверь в человеческом облике бывает не просто зверем, но звериной* («Прокляты и убиты»). С точки зрения автора, *зверь* (*зверина, зверюга*) может совершать только то, что причиняет как физическую, так и нравственную боль, даже приводит к смерти: *Такой мальчик! Кудрявый мальчик! А он его, зверюга, головой об стену...* («Печальный детектив»). Глагол *озвереть* употребляется не в словарном значении 'приходить в бешенство, ярость' [МАС], а в характерном именно для В. Астафьева экспрессивном 'реально превратиться в зверя, дойдя до крайней жестокости, изуверства'. Для характеристики идиостиля В. Астафьева важно то, что в его позднем творчестве предельно экспрессивный, резко отрицательный образ человека-зверя становится центральным.

Экспрессивные компоненты, основанные на трансформации смысла лексем и словосочетаний *человек, зверь, зверина, выродок, тварь, ангел, брат, братья, братцы, братики, братья-солдаты, собратья, чада Божьи, исчадья Божии* и др. обеспечивают эстетический эффект текстовой оппозиции *хороший (истинный, гуманный) человек vs зверь*. Эта оппозиция (наряду с оппозициями *природа vs культура, память vs беспамятство*) определяет лексико-семантическую организацию художественных текстов В. Астафьева в целом и становится основой экспрессивного переосмысления лексических единиц, на основе которых воплощается индивидуально-авторское представление о мире, определяющее специфику его текстового пространства.

В **заключении** подводятся итоги диссертационного исследования, которое позволило интерпретировать эстетический потенциал художественных экспрессивных лексических средств в творчестве В. Астафьева, выделить текстовые доминанты его произведений и определить место лексических средств в них.

Анализ показал, что важный способ вербализации картины мира В. Астафьева – эмоционально-эстетическое приращение смысла слова, которое можно считать воплощением экспрессивности.

В результате анализа представленных в диссертации текстовых фрагментов произведений В. Астафьева, включающих около 500 употреблений лексемы *человек*, около 400 – лексемы *сердце*, более 150 контекстов употребления слов с ядерной семьей '*почва*', более 200 – лексемы *зверь*, около 100 – лексемы *культура*, около 100 – лексемы *река*, около 70 – лексемы *современный*, около 60 – лексемы *яма*) было установлено, что рассмотренные тексты объединяет прежде всего общность лексических средств воплощения категории экспрессивности.

Специфика реализации семантического потенциала ключевых экспрессивных лексических единиц обнаруживает целостный образный взгляд писателя на мир: основная индивидуальная составляющая мировоззрения автора состоит в самобытном взгляде на проблему единства человека и природы.

Анализ экспрессивных лексических средств в прозе Виктора Астафьева в перспективе дает возможность рассмотреть особенности системы ключевых слов его текстов, специфику идиостиля писателя в целом, обратиться к художественной концептосфере его творчества, а также к лексикографической интерпретации художественных произведений этого автора.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в изданиях, включенных в перечень рецензируемых научных журналов

1. Аксенко, О. В. Языковое представление образа автора и экспрессивности в сказе В. П. Астафьева (на материале повествования в рассказах «Царь-рыба») / О. В. Аксенко // Вестник Челябинского государственного университета. Серия Филология. Искусствоведение. – 2013. – № 2 (293). – С.6-8. (0,23 п.л.)

2. Аксенко, О. В. Особенности семантики лексем «культура» и «зверь» в художественных текстах В. П. Астафьева / О. В. Аксенко // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. – 2016. – №4 (38) – С. 236-241. (0,53 п.л.)

3. Аксенко, О. В. Особенности языкового воплощения образа детства в произведениях В. Астафьева (на материале повествования в рассказах «Царь-рыба» и романа «Печальный детектив») / О. В. Аксенко, Е. В. Сергеева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2017. – № 184. – С. 114-123. (0,79 п.л. / 0,42 п.л.)

4. Аксенко, О. В. Экспрессивная номинация человека автором и рассказчиком (на материале романа В. Астафьева «Прокляты и убиты») / О. В. Аксенко // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2023. – № 209. – С.208-217. (0,78 п.л.)

Другие научные публикации

5. Аксенко, О. В. Образ автора как основная категория текстообразования: теоретическое осмысление проблемы / О. В. Аксенко // Слово. Словарь. Словесность: Коммуникация. Текст. Синтаксис (к 90-летию со дня рождения С. Г. Ильенко). Книга вторая. Материалы Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена, 13-15 ноября 2013 г. / Отв. ред. В. Д. Черняк. – Санкт-Петербург: САГА, 2013. – С. 21-24. (0,23 п.л.)

6. Аксенко, О. В. Образ автора как категория художественного текста и основа анализа художественного произведения / Е. В. Сергеева, О. В. Аксенко // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2014. – № 5. – С.73-83. (1,05 п.л. / 0,7 п.л.)

7. Аксенко, О. В. Особенности языкового воплощения образа памяти в произведениях В. Астафьева (на материале повествования в рассказах «Царь-рыба» и романа «Печальный детектив») / О. В. Аксенко // Слово. Словарь. Словесность: Язык революции – язык советской эпохи: Сборник научных статей Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 08–09 ноября 2017 года / Под редакцией В. Д. Черняк. – Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2018. – С. 161-165. (0,24 п.л.)

8. Аксенко, О. В. Слова-образы как основа художественной картины мира писателя (на материале рассказа В. Астафьева «Людочка») / О. В. Аксенко // Русская речевая культура и текст: материалы XII Международной научной конференции, Томск, 20-21 мая 2022 г. / Томский государственный педагогический университет (ТГПУ); под общ. ред. Н. С. Болотновой (отв. ред.) [и др.]. – Томск: Томский ЦНТИ, 2022. – С. 59-64. (0,37 п.л.)